Анна Агафонова

«Морские ворота» Санкт-Петербурга: Канонерский остров в дискурсе городских публик

В статье описан уникальный случай Канонерского острова Санкт-Петербурга, жители которого представляют собой локальное городское сообщество, характеризующееся жесткой территориальной идентичностью. Несмотря на выгодное расположение — близость к Финскому заливу и историческому центру города, остров зачастую дискурсивно описывается как городская периферия. С целью проанализировать, какие городские публики борются за определение места острова в структуре городского пространств а и почему они занимают ту или иную позицию, автор обращается к методу дискурс-анализа.

Ключевые слова: Канонерский остров, локальные сообщества, городские сообщества, дискурс-анализ, городские публики, городское пространство, территориальная идентичность

В настоящее время среди градостроителей, чиновников и представителей бизнеса Санкт-Петербурга все большую актуальность приобретает тема «реанимации серого пояса», представляющего собой заводские постройки преимущественно советской эпохи. Промышленная зона

Агафонова Анна Геннадьевна — социолог, аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Сфера научных интересов: социология города, процессы конструирования социальных проблем, социология повседневной жизни.

Введение термина «публики» отсылает к работе Н. Фрезер, на которую мы опираемся, и, согласно которой, деление на «слабые» и «сильные» публики позволяет различать дискурсивные тактики представителей гражданского общества (неправительственных ассоциаций, акторов и групп) и дискурсивные стратегии представителей власти [Fraser, 1990]. Иначе «публики» также можно назвать «группами интересов». Обладая субъективным видением ситуации и имея неравный доступ к ресурсам, они по-разному действуют в публичной сфере и оказывают различное влияние на формирование общественного мнения о Канонерском острове. Специфика концепта не позволяет ограничиться переводом «сообщество» и требует терминологической инновации в русском языке.

опоясывает исторический центр города плотным кольцом, формируя гибридную систему: индустриальные анклавы, бизнес-центры и жилищные массивы. По данным Алексея Шаскольского, заместителя руководителя отдела оценки недвижимости Института проблем предпринимательства, промышленная территория занимает около 43% городского центра [Кизыма, 2012]. Она мало привлекательна для горожан и инновационного бизнеса и требует значительных инвестиций. Несмотря на выгодное расположение промтерриторий, многие из них до сих пор остаются мало востребованными в экономике города и неблагоприятными для повседневной жизни. Подобное индустриальное наследие в представляет проблему для развития городской среды Санкт-Петербурга.

Одной из малоизвестных частей «серого пояса» города является Канонерский остров. Остров долгое время оставался и остается физически обособленным пространством с неразвитой структурой транспортного сообщения с остальным городом[1]. Он занимает достаточно низкую позицию в иерархии городского пространства. Если в советское время большинство жителей были заняты в островной экономике, то в настоящее время они работают вне острова. Для петербуржцев остров является «белым пятном» на карте города: мало кто знает о нем. При этом остров расположен в 15 минутах езды от исторического центра города. Неизвестность острова для горожан связана с тем, что он ассоциируется с низкими пространственными прибылями: данному месту приписывается мало «капиталов», поскольку оно связано с многочисленными проблемами, такими, как слабо развитая инфраструктура, загрязненность и недостаточная благоустроенность.

Цель данной статьи — описать дискурс различных городских публик по поводу места Канонерского острова в иерархии городского пространства и оценить степень их вовлеченности в обсуждение его проблем. На наш взгляд, перспективы развития острова во многом зависят от степени и характера дискурсивного и реального участия «сильных» и «слабых» городских публик в благоустройстве его пространства и согласованности их действий. Основой анализа стала классификация городских публик, предложенная американским социальным философом Н. Фрезер. Под «слабыми» городскими публиками подразумеваются акторы и группы, тактики которых заклю-

1 Канонерский остров является микрорайоном Кировского района Санкт-Петербурга и расположен на юго-западе города. Протяженность острова составляет приблизительно 5 км, ширина — приблизительно 600 м. Здесь проживает около 5 тыс. человек. Канонерский остров тесно соседствует с Гутуевским островом, на котором расположен порт «Морские ворота», и островом Белый, где размещен крупнейший комплекс канализационных очистных сооружений Петербурга — Центральная станция аэрации. На самом острове расположен Канонерский судоремонтный завод, основанный в 1883 г.

чаются преимущественно в выражении тех или иных точек зрения, однако не предполагают принятия решений ввиду недостатка материальных, экономических, символических и социальных ресурсов [Fraser, 1990]. Напротив, стратегии «сильных» городских публик заключаются не только в возможности оказывать влияние на формирование того или иного мнения, но также в возможности принятия определенных решений и, как следствие, осуществления действий, направленных на решение вопросов городского планирования.

Рис. 1. Промышленные зоны Санкт-Петербурга

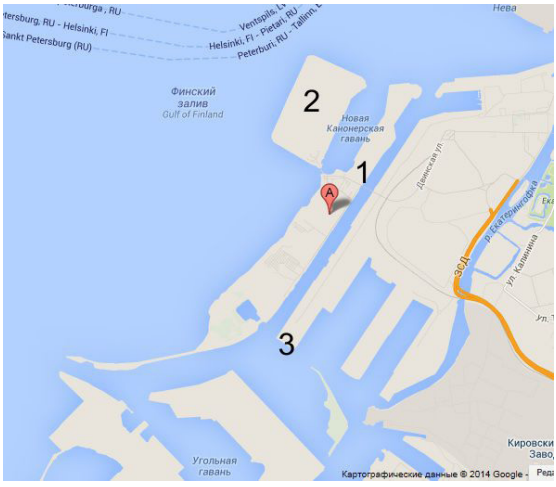

Рис. 2. 1 — Канонерский судоремонтный завод, 2 — Центральная станция аэрации, 3 — Порт «Морские ворота»

Канонерский остров как локальное городское сообщество

Город как мозаика разнообразных социальных миров впервые был проанализирован Чикагской социологической школой (1915–1935), в которой предметом исследования выступило именно локальное сообщество в различных аспектах. Социальные ученые всегда сталкивались с неоднородностью сообществ, в каждом из которых можно было выделить определенные категории участников, не всегда обладавшие социально-экономической спецификой, а зачастую представлявшие собой группы, объединенные схожим образом жизни или длительностью проживания на той или иной территории. Практически невозможно найти сообщество, которому присуща полная однородность, разве что в искусственно созданной экспериментальной ситуации.

Вместе с тем отличительная черта любого сообщества — это общая идентичность, чувство принадлежности индивидов к данной группе. В частности, закрытый режим обитания на Канонерском острове сформировал особую общность «канонерцев», объединенных общими условиями жизни, труда и быта. Судя по рассказам информантов, большинство жителей друг для друга были не только соседями, но и, как правило, учились в одной школе (она была единственной на Канонерке), ходили в кино и на дискотеки в единственный клуб на острове, наконец, работали вместе: либо на Канонерском судоремонтном заводе, либо в Морском порту.

В контексте настоящей работы необходимо упомянуть различия, которые были отмечены Фердинандом Теннисом при описании общества и сообщества. В сообществе (Gemeinschaft) очень важны отношения соседства, но существует жесткий социальный контроль, членство стабильно, уровень социальной мобильности низок, высока степень прозрачности жизни [Теннис, 2002, с. 72–73]. Понятие сообщества у Тенниса в данном случае подразумевает «определенным образом упорядоченный набор социальных связей, основанных на чем-либо общем для всех участников данных отношений; как правило, это общности идентификации». В обществе (Gesellschaft) царит поверхностность, формальность, рациональность социальных связей, которым присуще разнообразие и высокая степень анонимности. Традиции, которые лежат в основе отношений в сообществе, здесь уходят на второй план, уступая место рациональности. Наконец, если теснота и долговременный характер взаимодействий в сообществе порождают доверительные отношения, то анонимность и поверхностность связей в обществе, напротив, предполагают большую отстраненность во взаимоотношениях. Деление на общество и сообщество хорошо применимо для нашего описания

Канонерского острова как локального сообщества, существующего в физическом и социальном пространстве Санкт-Петербурга. Во взаимодействии жителей Канонерки присутствует множество характеристик (например, сила связей, знание практически всех жителей в лицо), присущих именно сообществам, и в этом жизнь канонерцев разительно отличается от жизни большинства петербуржцев. Жителям Канонерского острова также присуща жесткая территориальная идентичность, которую они поддерживают за счет конструирования символических границ между островом и «городом», между «своими» и «чужими».

С другой стороны, те жители, которые переехали на Канонерский остров относительно недавно, особенно после строительства тоннеля, склонны в большей мере идентифицировать себя с городом в целом, чем с местным островным сообществом. Иными словами, они рассматривают себя как часть крупного «воображаемого сообщества» [Андерсон, 2001]. Под данным понятием подразумевается существование в умах людей образа их общности, к которому они могут апеллировать в тех или иных ситуациях. Этот образ остается устойчивым, несмотря на то что люди могут никогда лично не узнать большинство своих собратьев, не встретиться с ними или даже не услышать о них. Тем не менее, если существует некий общий опыт, стереотипы, ожидания, символы, которые разделяются большинством горожан, вероятно, имеет смысл говорить и о существовании общегородских паттернов идентификации. Несмотря на трансформацию отношений между островитянами за последние 20–30 лет, им все еще присуща большая эмоциональная нагруженность и открытость, нежели более «поверхностные» отношения в городе. Своеобразие Канонерского острова заключается в его двойственной природе: административной, социально-экономической включенности в общегородское пространство и социокультурной обособленности локального малочисленного сообщества.

Общая характеристика дискурса

Наиболее продуктивной в исследовании Канонерского острова, на наш взгляд, является программа общественно-научного дискурс-анализа немецкого социолога Райнера Келлера, в которой он соединяет концепцию М. Фуко с ключевой для него социологической традицией П. Бергера и Т. Лукмана [Keller, 2007]. Фокус анализа дискурсивных практик различных городских публик в ситуации взаимодействия сосредоточен в определении места Канонерского острова в иерархии городского пространства. Сразу обозначим границы нашего исследования: основное внимание уделено именно

практикам говорения, т. е. производству различными акторами суждений, высказываний и мнений.

С целью описания и анализа дискурса о Канонерском острове была проведена серия полуструктурированных интервью с представителями различных городских публик, так или иначе вовлеченных во взаимодействие по поводу Канонерского острова: жителями, представителями совета муниципального образования муниципального округа «Морские ворота», представителями ЖКО, работниками Канонерского судоремонтного завода. В качестве важного источника выступили публикации из интернета, релевантные теме. В подборке оказались статьи из различных интернет-газет, блог-сервиса Livejournal, социальной сети ВКонтакте, с «официального сайта Канонерского острова».

Исходя из результатов анализа, участники поля дискурса были разделены нами на «сильные» и «слабые» городские публики. В данной классификации мы опирались на определение Н. Фрезер «слабых» и «сильных» публик.

На наш взгляд, «слабые» публики представлены в дискурсе следующими группами:

- жители Канонерского острова;
- «туристы»: люди, периодически приезжающие на остров (уместнее писать данное слово в кавычках, так как туристами эти люди могут и не являться, однако такое понятие используют для их обозначения жители острова).

В качестве «сильных» мы выделили следующие городские публики:

- представители ЖКО Канонерского острова;
- представители совета муниципального образования МО «Морские ворота»;
- руководство Канонерского судоремонтного завода.

«Сильные» городские публики реже представлены в дискурсе по сравнению со «слабыми» городскими публиками. В особенности это характерно для интернет-дискурса. Активные интернет-пользователи становятся наиболее влиятельными участниками публичного дискурса, формирующими образ Канонерского острова. Именно они концентрируют внимание на обсуждении проблем острова и формулируют актуальную «повестку дня». Поэтому в качестве доминирующего дискурса выступает *гражданский дискурс*, представленный на микроуровне взаимоотношений отдельных групп населения по поводу вопросов, касающихся Канонерского острова.

В качестве дискурса, оппозиционного доминирующему, следует выделить *дискурс властей*, который представлен весьма слабо и, как правило, проявляется лишь в тех ситуациях, когда необходима реакция по поводу того или иного вопроса. К примеру, участники

властного дискурса — это представители муниципального образования муниципального округа «Морские ворота» (глава МО Сучков А. А.) и администрации Кировского района (Кондрашов А. А., Филатов А. В.).

«Канонерский остров — это часть города!»

Злободневность дискурса о принадлежности Канонерского острова Петербургу подчеркивается сравнительно немногочисленными публикациями. Вышеуказанный заголовок к интернет-статье полемически заостряет необходимость вновь и вновь доказывать, что Канонерский остров — не отдельное государство и не пригород, а неотъемлемая часть Петербурга [Кельнер, Кузнецов, 2008].

Как известно, вплоть до 1983 г. остров был закрытым для посторонних объектом. По словам опрошенных нами информантов, остров изначально рассматривался как место, где будут жить исключительно работники завода и порта. Впрочем, жить в городе было бы довольно затруднительно. До материковой части Петербурга жители могли добраться только на водных трамвайчиках и буксирах, а зимой пешком по деревянным мосткам, проложенным по льду. Поскольку любой из путей пролегал через порт, на острове действовал контрольно-пропускной режим. Даже для друзей и родственников канонерцы должны были получать специальные пропуска.

Переломным моментом в истории острова стала постройка в 1983 г. тоннеля, соединившего остров с городом. Это обеспечило приток новых жителей. Население, составлявшее в 1980 г. около 500 человек, на сегодняшний день увеличилось приблизительно до 5000. Прирост населения не только повлиял на социально-экономическую структуру и организацию жизни на острове, но и обусловил возникновение новых проблем.

В дискурсе жителей острова четко прослеживается *два периода*: до и после постройки тоннеля. Состояние «до» характеризуется информантами с помощью таких слов, как *«порядок», «чистота», «спокойно», «хорошо», «тихо», «мало людей»*. Жизнь на острове в советские времена информанты характеризуют как хорошо организованную, поскольку они всегда получали помощь, когда нуждались в ней. Нарушение организованности, к которой они так привыкли, островитяне связывают не столько с развалом Советского Союза, сколько непосредственно с постройкой тоннеля.

«У нас, во-первых, было спокойнее, не было хулиганства, много людей и машин не было. Пока тоннеля не было — и машин не было <...> В связи с постройкой тоннеля у нас клуб сломали, и нам очень жалко, что нет клуба» [информант 1].

Состояние «после» постройки тоннеля, напротив, описывается как *«бардак», «разруха», «непорядок»*, и общее состояние людей можно описать как состояние тотальной неопределенности: непонятно, куда пойти, к кому обратиться с проблемой, отсутствует контроль со стороны властей. Несмотря на постройку тоннеля, жители острова все еще не чувствуют себя вовлеченными в городскую жизнь.

Для анализа позиции социальной исключенности, свойственной жителям острова, мы воспользовались понятиями пространства и расстояния, описанными З. Бауманом в работе «Глобализация: последствия для человека и общества» [Бауман, 2004]. *Согласно его точке зрения, пространство и расстояние не являются объективной и обезличенной данностью, а всегда представляют собой социальный продукт.* Категории «близко — далеко» не являются реальными, объективными, а отражают социальный опыт. Бауман утверждает, что в сегодняшнем мире именно социальная мобильность становится новым фактором социального расслоения. Если человек способен легко преодолевать пространство, поскольку имеет для этого необходимые финансовые, временные и проч. ресурсы, то он находится на вершине этой иерархии. Жители Канонерского острова, долгое время не имевшие связи с городом, оказались внизу «пространственной» иерархической лестницы. Более того, с постройкой тоннеля ситуация не претерпела значительных изменений. Из-за постоянных пробок в тоннеле изолированность все равно сохраняется, как временная, так и материальная и символическая.

В дискурсе жителей Канонерского острова до сих пор репрезентируется довольно отчетливая символическая граница, разделяющая «остров» и «город». Канонерцы не ощущают себя частью Санкт-Петербурга. При этом некоторые жители Канонерки стремятся различными способами подчеркивать и культивировать свою островную идентичность. Это достигается за счет настойчиво конструируемой ими символической границы между «своими» и «чужими». Один из информантов описывает в интервью ситуацию непосредственного столкновения местных и приезжих, в роли которых выступили его друзья.

«О: Когда уже в школе учился... Вот, гопники там были на Канонерке, вот, в том числе, до сих пор помню рассказ одноклассника моего. Для них Канонерка была довольно опасным местом, потому что они, вот, рассказывали, что они только приехали на автобусе, только высадились, и им сразу: „Эй, ты! Ты откуда, с Канонерки?“ — «Нет». — «А ну отсюда!», сразу. И они на этом же автобусе сразу и уехали.

В: А почему так было? То есть им не нравилось, когда кто-то чужой приезжал?

О: Ну, да, чужие, тогда, ну, было разделение. Ну, как у местного пацанья, там, типа, канонерский, двинский, ты откуда, с нашего района, не с нашего

района. Да, это было, конечно. Сейчас уже, я думаю, этого нету, но тогда, еще в 90-х, в 2000-х там, тогда это процветало. Вот. У самого у меня проблем таких особо не было с ними. А у приезжих вот, говорят, было» [информант 2].

Жители острова в основном занимают пассивную позицию в вопросах благоустройства острова, поскольку ожидают помощи в их решении со стороны представителей «сильных» городских публик. Можно наблюдать дисбаланс дискурсивного и реального участия канонерцев в решении проблем острова. В городских субботниках принимают участие единицы, а попытки инициативных жителей организовать встречу для обсуждения актуальных вопросов не встречают должного отклика.

Тем не менее, не все разделяют подобные убеждения. Жители, ранее проявлявшие активную гражданскую позицию в силу своих должностных обязанностей и профессионального статуса (например, одна из информанток раньше была начальником ЖКО Канонерского острова), демонстрируют другое видение проблемы распределения ответственности и полномочий. Они считают, что и сами должны делать что-то для улучшения условий проживания. Например, две информантки рассказывали нам об опыте решения вопросов в свою пользу в конфликтных ситуациях. Так, одна из них посредством обращения в совет муниципального образования добилась того, чтобы на острове не закрыли единственное почтовое отделение.

Некоторые молодые люди, активно принимающие участие в интернет-дискурсе, также делали попытки выйти за его пределы, чтобы охватить более широкие слои населения. Инструментами для этого выступали пресса и телевидение. Канонерцы несколько раз вызывали съемочные группы, с помощью телерепортажей привлекая внимание к наиболее волнующим их проблемам. Таким образом, они делали попытку легитимировать свои обращения и добиться ответной реакции от представителей «сильных» городских публик.

«Петербургские Канары» или «Южный Бронкс?»

В медийном дискурсе можно встретить противоречивые описания Канонерского острова: он то характеризуется как «депрессивный» район, анклав [Южный Бронкс в Санкт-Петербурге, 2003], то предстает удивительным, порой почти сказочным местом [Петербургские Канары, 2008]. Таковы фрагменты оппозиционного дискурса, который описывает Канонерский остров извне, с позиции «горожанина» — это дискурс «туристов». «Туристами» канонерцы называют всех тех, кто приезжает на остров из праздного

любопытства, отдохнуть и провести время возле Финского залива. В данной статье «туристами» мы называем всех тех, кто не живет на Канонерском острове, но принимает участие в конструировании публичного дискурса. Данный круг дискурсивных акторов не ограничен лишь пользователями ЖЖ и «вКонтакте», в него включены и такие профессиональные группы, как, например, журналисты.

«Туристы» видят себя в роли своего рода «колумбов», которые открывают для себя и остальных интернет-пользователей «Новую Землю». О подобной роли свидетельствует логика описания их первого визита на остров. Как правило, повествование начинается с объяснения, что представляет собой Канонерский остров и где он находится:

«Если сесть у Сенного моста на маршрутку К-19, то после петляния по улицам, машина нырнет в тоннель под Морским каналом, и вот он — Канонерский остров» [Livejournal, http://karta-spb.livejournal.com/5183.html? thread=82 495].

«Сегодня по подводному тоннелю, проходящему под Морским каналом, любой желающий может проехать на городском автобусе или маршрутном такси на Канонерский остров и прогуляться по набережной канала, любуясь морскими судами в порту, или выйти на берег залива, чтобы увидеть на горизонте силуэты Кронштадта...» [Таинственный остров, 2009].

Именно туристы, как первооткрыватели, вносят свою лепту в формирование образа острова со стороны. Большинство из них видят остров не как часть города, а как периферию. Недаром название острова мелькает также на таких сайтах, как «Окрестности Петербурга», и это несмотря на то, что территориально он расположен в непосредственной близости от центра города. Если мы обратимся к понятию социального пространства, предложенному П. Бурдье, то сможем объяснить, почему Канонерский остров недооценивается горожанами (жилье на нем, например, стоит дешевле, чем в любом другом районе города).

Полученные данные позволяют предположить, что остров субъективно воспринимается не как часть города, а как его окраина (в том числе в связи с транспортными проблемами). Этому месту приписывается мало капиталов, поскольку он ассоциируется с многочисленными проблемами, такими, как слабо развитая инфраструктура, загрязненность, недостаточная благоустроенность и проч. Другими словами, остров ассоциируется с низкими «пространственными прибылями», которые владельцы собственности на острове могут получить. Здесь нет каких-либо дефицитных ресурсов: благ или услуг, которыми жители могли бы пользоваться (за исключением, пожалуй, близкого расположения Финского залива), а само место описывается как непрестижное.

Большинство туристов, которые осведомлены о существовании острова, привлекает, по-видимому, непохожесть этого места на типичный Петербург. То, что для инсайдеров (жителей острова) выступает привычным, романтизируется аутсайдерами (туристами) и воспринимается ими как экзотика. Они указывают на различия между островом и городом в визуальном наполнении пространства.

«Зато на Канонерке глаз петербуржца отдыхает. Этот остров свободен от рекламы. Не считая пары вывесок. Удивительно, но даже политагитаторы не обезобразили его портретами кандидатов и партийными лозунгами» [Петербургские Канары, 2008].

Актуализируемая туристами «андеграундная атмосфера» может также быть описана с помощью характеристик, выделенных социальным психологом С. Милграмом [Милграм, 2001, с. 32–53]. Туристы — это горожане, привычные к городскому стилю жизни, его атмосфере. Они, как никто другой, должны остро чувствовать разницу между темпоритмом жизни в Петербурге и на Канонерке, что мы и можем наблюдать, сталкиваясь с их практиками дискурсивного описания острова. Разница в темпоритме города и острова определяет восприятие Канонерки туристами как «деревни» и описание его как спокойного места, где можно расслабиться, отдохнуть от городских забот и стрессов. Физические параметры острова: его «компактность», легкая обозримость всего пространства, — также играют роль в описании острова как петербургской окрестности. Наконец, немаловажные факторы — это плотность и численность населения острова, которые существенно отличаются от аналогичных показателей в городе. Численность населения острова может сравниться с численностью населения одного жилого многоквартирного комплекса в Петербурге.

Не всеми туристами Канонерка описывается в позитивном ключе. Существует другой тип публик, который придает образу острова преимущественно негативную окраску. Такими посетителями Канонерка описывается как депрессивный район. С пространством острова ассоциируются различные мифы об опасности. Характеристика территории в рамках подобных бинарных оппозиций (удивительное место — опасное место) различными группами туристов вполне объясняется различиями в их отношении к заброшенным пространствам. Скептическое отношение к Канонерскому острову находит отражение и в дискурсе официальных СМИ. Несмотря на формализм и официальность, приписываемые газетным статьям, мы понимаем, что их авторы также склонны привносить свои впечатления и точки зрения, которые придают большую экспрессивность информации и в свою очередь оказывают влияние на формирование мнений туристов о Канонерском острове:

*«Один из самых **экологически неблагоприятных уголков** Петербурга одновременно является еще и одним из самых неизвестных. На Канонерском острове можно найти огромные свалки строительного мусора, развалины недостроенных промышленных объектов, судоремонтный завод и станцию аэрации. **При этом здесь еще и живут люди**» [Борисов, 2008].*

Если обратиться к аналитическим категориям чистоты и опасности, предложенным социальным антропологом Мэри Дуглас, то можно отметить любопытное различие в дискурсивных практиках канонерцев и аутсайдеров [Дуглас, 2000]. Жители острова конструируют свою идентичность за счет описания приезжих как «чужих», «грязных», «опасных». Обратная ситуация наблюдается в дискурсивных описаниях туристами острова, которые характеризуют его как маргинальное пространство, стремясь со своей стороны провести границу между Петербургом и островом. В данном контексте город предстает чистым, благоустроенным, безопасным, экологически благополучным в противоположность Канонерке, которой приписываются отрицательные характеристики.

«Лоскутное одеяло» островной территории

В дискурсе «сильных» городских публик остров представлен с несколько иной точки зрения. В их дискурсивных описаниях гораздо меньше романтизма, связанного с воспоминаниями и ощущениями, зато гораздо больше прагматизма, присущего людям, занимающим руководящие позиции. Остров — непосредственное место работы информантов, поэтому их нарративы носят «деловой», рабочий характер.

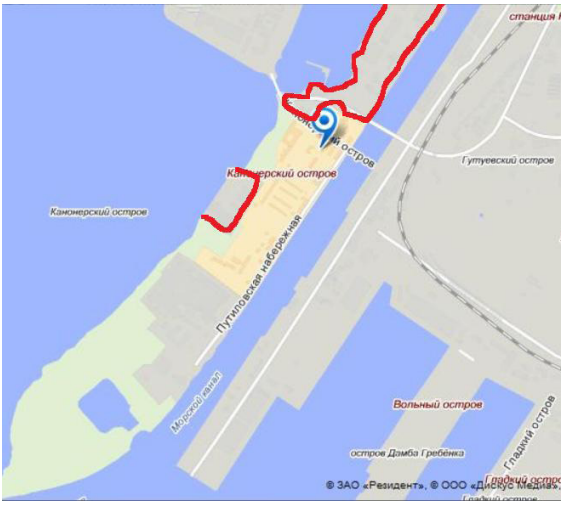

Рис. 3. Красным цветом выделены участки острова, принадлежащие Канонерскому судоремонтному заводу.

В дискурсе директора Канонерского судоремонтного завода (КСЗ) Н. М. Вихрова остров по сей день предстает всего лишь *«поселком»*, неким «поселением при заводе». Канонерский судоремонтный завод, основанный в 1883 г., поддерживал особенно тесную связь с населением острова в советские времена. Помимо того, что большинство жителей острова работали здесь, завод с поселком связывали и другие узы. Так, предприятие во времена Советского Союза обеспечивало остров всем необходимым: тепло- и водоснабжением, канализацией и т. п. После распада Союза руководство с облегчением сложило с себя все обязательства. В своем нарративе директор апеллирует к «миру рынка», в терминологии Л. Болтански и Л. Тевено, для которого характерна рациональность и обезличенность связей, стремление к максимизации дохода, извлечению личной выгоды [Волков, Хархордин, 2008]. Порвав всяческие связи с островом, директор отныне проводит четкую границу между заводом и «поселком», к которому он отношения не имеет:

«естественным путем передали потом поселок, а там это ЖКХ порядка шестидесяти человек, там обслуживание, там же все, там и сантехники, и электрики, и дворники <...> Ну, а когда стало содержать, ну, конечно, и общежития, и жилые дома, это нагрузка, которая за счет прибыли шла, а не за счет... стали передавать, и было тогда решение такое, у предприятия забирать... жилье. Ну, и, слава Богу, передали. Мы передали электросети, все подстанции, бойлерные, тепловые, передали, последнюю тепловую мы передали... передали в 99-ом году. И только Водоканалу в прошлом году мы передали канализацию» [информант 3].

Это жесткое разграничение, декларируемое директором завода, отмечает и заместитель главы совета муниципального образования МО «Морские ворота» Л. А. Филькова. В своем интервью она касается вопроса своих разногласий с директором завода.

*«Почему, потому что, когда произошла перестройка, и они отделились, я ходила к Вихрову, и он мне сказал: „Любовь Артемовна, вот вы видите проходную? **О, вот это мое, завод, а вот это мне не надо, это не наше**“. Ну, вот, где мы щас находимся. Они все это забросили, никто ничо не делал, и до сих пор они нам не помогают никак, завод не помогает даже копейки»* [информант 4].

В данном отрывке мы можем наблюдать отражение конфликта между служащими совета муниципального образования, выступающими представителями интересов жителей острова, и директором Канонерского завода, который защищает свои интересы и интересы своего бизнеса. Упрощенная картинка территории острова в дискурсе директора КСЗ выглядит как две отдельные пограничные зоны — завода и «поселка». Представители совета муниципального образования и ЖКО описывают ситуацию в ином свете. В их дискурсе остров разделен на подведомственные им зоны и «остальные»

территории: неприкосновенные частные владения и «бесхозные» территории, за которые они не несут ответственности. Только объединив эти картинки, можно получить целостный образ Канонерского острова, предстающий в виде *«лоскутного одеяла»*, отдельные зоны или «лоскуты» которого находятся под влиянием различных дискурсивных акторов.

В качестве главного предмета ведения муниципального совета выступает благоустройство внутриквартальных территорий, а вот зоны озера, пляжа и заброшенной котельной уже не находятся в ведении муниципального совета. Любопытно описание территориального разделения полномочий главой совета Л. А. Фильковой.

«Проблема у нас еще набережная. В свое время у нас очень красивая была набережная, ухоженная, огороженная она была, вот, и здесь тополя обрезали и все. Щас, тополя, конечно, никто не ухаживает, ***со стороны домов мы тополя все*** *— какие омолодили, какие убрали,* ***это наша территория, газонная, у домов****. А вот эти тополя... Значит, дорогу мы передали городу, вот, дорога по набережной передана городу, за ней ухаживает район,* ***набережную мы передали „Морстройтресту“****, за ней ухаживает «Морстройтрест», такая огромная организация.* ***А тополя на газонах*** *— они* ***ничейные, потому что газон оказался ничейным****. Мы, единственное, что мы можем — это в субботники его убрать»* [информант 4].

В дискурсе начальника домоуправления, напротив, актуализируется вопрос ухода за придомовыми и внутридворовыми территориями. В связи с этим территория острова в ее рассказах делится на зоны встреч и «некультурного» отдыха жителей и приезжих. «Туристы», по ее словам, собираются возле высотного дома № 7, на детской площадке и на самом заливе, где также делают шашлыки. Местные жители собираются возле дома № 25 из-за его близости к круглосуточному магазину. «Маргиналы», по описаниям начальника домоуправления, сидят возле хоккейного корда, расположенного у заброшенной школы:

«О: Здесь, начиная от залива вот, люди собираются. Вот приезжают на залив, значит, они все уселись на семерке. На Канонерском семь, на детской площадке. Ну, которые будут шашлыки жарить, они будут там все бутылками забрасывать, залив. А которые вот приехали просто отдохнуть, они приходят все вот.. Местные аборигены все сидят на двадцатьпятке, потому что там рядом „поросенок“, там быстро можно сбегать, и еще..

В: «Пятачок» вы имеете в виду?

О: Значит... А местные алкаши, которым стыдно уже сидеть, они собираются возле школы заброшенной, они там сидят, значит, все. Сидят у корда. Хоккейный корд. Вот там. Так, где у меня еще... Так, спортивный комплекс сказала... Ну, и все остальные детские площадки. Вот, на семнадцатом, там был ужатник-бомжатник» [информант 6].

Общение между представителями муниципального совета и жителями острова не обременено разного рода формальностями. Регулярных встреч с жителями не организовывается, поскольку они приходят сами, когда им что-то надо: *«А все друг друга знают, Вася, Петя, по именам»* [информант 5]. Тем не менее, указание на неформальный характер отношений между жителями и представителями местной администрации не находит отражения в дискурсе самих канонерцев. Скорее всего, апелляция к демократичности местной власти выступает риторическим приемом сильных публик.

Представители муниципального совета оправдывают свои действия, утверждая, что они делают для жителей острова все, что могут, в рамках того бюджета и тех полномочий, которые им предоставляются, даже иногда выходя за рамки официальных обязанностей (например, убирают территории, которые не находятся в их ведении).

Несмотря на желание создать положительный образ острова (в своих рассказах представители муниципального совета стремятся упоминать о ситуациях, в которых они добились необходимых результатов), служащие местной администрации порой *«декларируют свое бессилие»* [Ибарра, Китсьюз, 2007], говоря о том, что остров — это «заброшенный уголок», на который городская администрация не обращает внимания.

«...будем стараться как-то, нам надо как-то выживать. Ну, вот, мы выживаем... И нам так жалко: пятнадцать минут до центра, пятнадцать минут, место отличное, и, конечно, место вот так загажено. Мы когда обращаемся, нам говорят: „Да кто вас, зачем сюда поселил?“ [информант 4].

В числе ключевых проблем, которые мешают работать совету муниципального образования, служащие перечисляют недостаточное финансирование (оно составляет приблизительно 18–20 млн. руб. в год) и дефицит полномочий.

Таким образом, дискурс о Канонерском острове со стороны «слабых» и «сильных» городских публик носит асимметричный характер. Начиная неравноценной репрезентацией представителей городских публик в дискурсивном поле, различным восприятием физического и социокультурного пространства острова и заканчивая различным видением необходимости, возможностей и характера вовлеченности в решение проблем острова. Пожалуй, единственная точка, в которой эти дискурсы пересекаются, — схожие позиции и представления о положении Канонерского острова в структуре городского пространства, во многих аспектах «проигрывающего» другим районам города.

Возможные перспективы

В течение 2013 г. дискурс о Канонерском острове постепенно набирал вес в СМИ, причем в него оказывалось вовлечено все большее количество «сильных» городских публик. Показательно, что для архитектурно-девелоперского форсайта городского форума «Будущий Петербург-2013» в качестве объекта преобразований был выбран именно Канонерский остров. Несколько групп молодых архитекторов во главе с опытными руководителями создавали проекты по развитию территории, а в конце года был выбран победитель.

С точки зрения дискурса важно, что именно Канонерский остров был выбран для обсуждения на общегородском форуме, где в судейской комиссии сидят такие почетные гости, как историк Лев Лурье и старший советник мэра департамента градопланирования и недвижимости муниципалитета Хельсинки Тимо Хармала. С другой стороны, идеи молодых архитекторов оказались довольно далеки от повседневной жизни и реального решения проблем, волнующих островитян. В финал вышли четыре нетривиальных проекта: новое городское кладбище, морской парк с домами на воде, комплекс для маломобильных людей и трансформирующееся пространство, создаваемое при участии жителей острова. Проекты вызвали широкий резонанс среди жителей Канонерского острова, однако реакции были, скорее, равнодушно-негативными, чем восторженными.

Выгодное географическое расположение Канонерского острова не раз вдохновляло архитекторов и предпринимателей на создание проектов по развитию и преобразованию данной территории. Однако ни один из проектов до сих пор не был реализован. Даже инициативы в сфере малого предпринимательства (бильярдная, кафе-шатер на набережной) столкнулись с проблемой нерентабельности.

«Бильярд сдулся ввиду несостоятельности организаторов... Это не единственный бизнес подобного развлекательного рода, прогоревший на острове. Аренда помещения немалого стоит, а клиентура порой вызывает печаль, с постоянными дебошами и порчей имущества»[1].

Сегодня основные надежды и страхи жителей связаны со строительством Западного скоростного диаметра (ЗСД), связывающего кольцевую автомобильную дорогу через акваторию Финского залива с Приморским районом Петербурга, отрезок которого пройдет по территории острова. Нескольким домам грозит расселение, кроме того, пока неясно, какое влияние строительство ЗСД окажет на экологию и уклад жизни на острове. С другой стороны, ЗСД может помочь в решении некоторых проблем: избавить остров от постоянного

1 [http://vk.com/wall-12 778_1954]

скопления фур — наиболее актуальной проблемы, беспокоящей большую часть жителей. Одно вполне вероятно: ситуация со строительством скоростного диаметра может стать еще одним поворотным моментом в истории острова, как когда-то стало открытия тоннеля.

Библиография

1. *Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.*
2. *Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества/пер. с англ. М.: Изд-во «Весь мир», 2004.*
3. *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.*
4. *Борисов Д. На Канонерском прописались диоксины. Остров отшельников в центре Питера стал свалкой экологически вредных отходов (http://www.pressmon.com/cgi-bin/press_view. cgi? id=1489 087).*
5. *Бурдье П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2005.*
6. *Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.*
7. *Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу/пер. с англ. Р. Громовой под ред. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.*
8. *Ибарра П., Китсьюз Д. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия/сост. И. Г Ясавеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007.*
9. *Кельнер И., Кузнецов А. Канонерский остров — это часть города (http://kanonerk.narod.ru/hystory004.html).*
10. *Кизыма Р. Прорыв «серого пояса» в Петербурге: кому и зачем это нужно (http://top.rbc.ru/spb_sz/24/04/2013/855 441.shtml).*
11. *Милграм С. Городская жизнь как психологический опыт. Эксперимент в социальной психологии. СПб.; М.; Харьков; Минск: Питер, 2001.*
12. *Петербургские Канары (http://kanonerk.narod.ru/hystory006.html).*
13. *Таинственный остров (http://kanonerk.narod.ru/hystory007.html).*
14. *Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. М.: Владимир Даль, 2002.*
15. *Южный Бронкс в Санкт-Петербурге (http://kanonerk.narod.ru/news007.html).*
16. *Fraser N. Rethinking the Public Sphere: Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Social Text. 1990. No. 25/26.*
17. *Keller R. Diskursforschung: Eine Einführung für SozialwissenschaftlerInnen. GWV Fachverlage GmbH. Wiesbaden, 2007.*

Информанты

- Женщина, 65 лет, высшее образование. Пенсионер, до выхода на пенсию работала конструктором на Канонерском судоремонтном заводе.

- Мужчина, 23 года, высшее образование. Окончил факультет журналистики СПБГУ, работает web-администратором.
- Мужчина, 63 года, высшее образование. Работает на Канонерском судоремонтном заводе с 1971 г., с 1989 г. возглавляет завод.
- Женщина, около 60 лет, высшее образование. Заместитель главы местной администрации муниципального образования МО «Морские ворота».
- Мужчина, около 50 лет, высшее образование. Депутат муниципального образования муниципального округа «Морские ворота».
- Женщина, около 60 лет, высшее образование. Начальник домоуправления. Работает в ЖКО острова чуть больше года.